

Литературныя замѣтки.

Репутація нововременскаго критика г. В. Буренина установилась прочно.

Помнится, поэтъ Минаевъ посвятилъ критическому перу *Новаго Времени* слѣдующую эпиграмму:

По улицѣ идетъ собака,
За ней—Буренинъ тихъ и милъ
Городовой, смотри, однако,
Чтобъ онъ ее не укусил!

Къ счастью для собакъ и къ несчастью для людей, г. В. Буренинъ кусаетъ однихъ только людей.

Стоило только въ русской литературѣ появиться новому таланту, отмѣченному божественной искрой, оригинальностью и свѣжестью, какъ изъ *Новаго Времени* въ пятницу неслось злобное ворчаніе г. В. Буренина по адресу новаго дарованія.

— Буренинъ ругаетъ,—рѣшали читатели *Новаго Времени*,—значить, надо будетъ прочесть.

„Критическая“ брань г. Буренина считалась лучшей рекомендаціей даровитому писателю.

И г. В. Буренинъ, и его читатели рѣдко ошибались.

Отравленные злобой критическія стрѣлы нововременскаго фельетониста указывали широкимъ читательскимъ кругамъ восходъ или новой звѣзды или новаго солнца въ родной литературѣ.

Часто нововременскому критику выпадала незавидная доля, подобная роли тѣхъ клеветниковъ, которые по обычаю бѣжали за колесницей римскихъ триумфаторовъ и всенародно срамили признанныхъ героевъ.

Разница между классическими клеветниками и современнымъ критикомъ маленькая.

Римъ узъ конилъ существованіе клеветниковъ обычаемъ,—въ русской журналистикѣ эту роль создала добрая воля г. Буренина.

Г. В. Буренинъ—волонтеръ отъ клеветы.

Время отъ времени г. В. Буренинъ совершаетъ праздники критической клеветы и надъ мертвымъ или полумертвымъ писателемъ.

Достаточно въ этомъ случаѣ припомнить исторію съ покойнымъ Надсономъ.

Въ этомъ отношеніи г. В. Буренинъ имѣетъ большое преимущество передъ римлянами.

Тѣ позволяли издѣваться надъ живымъ торжествующимъ героемъ, но не давали клеветникамъ осквернять славныхъ могилъ или отравлять послѣднія скорбныя минуты героевъ.

Они говорили: *de mortuis aut bene, aut nihili*.

Все-жъ таки живымъ писателямъ г. В. Буренинъ отводитъ больше мѣста въ своихъ „Критическихъ очеркахъ“, чѣмъ сошедшимъ въ могилу.

Очевидно, профессія осквернителя гробовъ претить и г. В. Буренину.

Недавно онъ совершилъ „критическую“ операцію надъ молодымъ даровитымъ беллетристомъ Леонидомъ Андреевымъ.

Теперь, послѣ лѣтняго перерыва, онъ снова возвратился къ Максиму Горькому и кусаетъ его.

Но старые съѣденные зубы измѣнили г. В. Буренину, и онъ призвалъ на помощь двухъ критиковъ возродившагося *Русскаго Вѣстника*: г. Н. Энгельгардта (собрата по *Новому Времени*) и нѣкоего г. Скифа.

Г. Скифъ—полная неизвѣстность, г. Н. Энгельгардтъ въ качествѣ критика стяжалъ минутную извѣстность, которой можетъ добиться всякій россиянинъ, рѣшившійся на шумный скандалъ.

Передъ такой „извѣстностью“ г. Н. Энгельгардтъ не отступилъ: онъ рѣшительно „ужалилъ въ пятку“ Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева.

„Слава“ досталась г. Н. Энгельгардту легко.

Г. В. Буренинъ протянулъ г. Энгельгардту и Скифу руки за содѣйствіемъ и сталъ жалить Максима Горькаго перьями союзниковъ.

„Критикъ“ г. Н. Энгельгардтъ въ творчествѣ Максима Горькаго отмѣчаетъ „дурную тенденцію, дурную безвкусную романтику, лубочно-мелодраматическое фразерство, фальшь“ неправдивость, но не имѣетъ мужества стричать таланта Горькаго.

Другой союзникъ г. В. Буренина, г. Скифъ изъ *Русскаго Вѣстника*, „развѣнчиваетъ“ заграничную славу Максима Горькаго.

По наивнымъ изысканіямъ г. Скифа европейскую славу Горькаго создали... русскіе евреи.

Кто же сдѣлалъ многочисленные переводы произведеній Горькаго на иностранные языки? Кто ставилъ за границей „Мѣшанъ“ на сценѣ? Кто создалъ имъ крушый сценическій уснѣхъ?

Неужели все евреи?

Въ слѣдующей книжкѣ *Русскаго Вѣстника* г. Скифъ убѣдитъ всю Россію, что славу Горькаго на родинѣ создали тоже евреи, что только они читаютъ и распространяютъ произведенія Горькаго.

Это возможно и вѣроятно.

„Съ большимъ удовольствіемъ“ привѣтствовалъ фельетонъ г. В. Буренина г. Иксъ изъ *Гражданина*.

Г. Иксъ даже воспоминаніямъ по этому случаю предался:

„Покойный Гоголь когда то гостилъ въ деревнѣ у моей бабушки и совершалъ съ ея дѣтьми вечерніе прогулки пѣшкомъ; однажды, проходя по деревнѣ, они увидали въ воротахъ одной избы большую свинью, усердно копавшуюся въ грязи своимъ рыломъ

— А знаете,—сказалъ Гоголь,—что эта свинья въ это время думаетъ? Она говоритъ про себя: акія свиньи эти люди, не понимаютъ наслажденія копать въ грязи!

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и теперь этотъ огромный успѣхъ такого писателя, какъ Горькій, несомнѣнно, доказываетъ, что времена измѣнились, а съ ними и вкусы, до такой степени, что мечты гоголевской свиньи сбылись и современная свинья съ удовольствіемъ признаетъ въ человѣкѣ одного себя, такъ какъ онъ, подобно ей, находитъ наслажденіе копать въ грязи“.

„Литературныя“ воспоминанія салонницы изъ *Гражданина* очень хороши.

Не ваши ли духовные отцы, г. Иксъ, упрекали Гоголя, авторитетомъ котораго вы подкрѣпляете свои скверненькія мысли, что этотъ самый, теперь авторитетный, Гоголь копается въ грязи и пишетъ одни только сальности?

Да, именно такими упреками преслѣдовали Гоголя Булгаринъ и его союзники.

Духовныя дѣти Фаддея Булгарина, вы унаслѣдовали весь арсеналъ его „критическаго“ оружія и начинаете поносить Горькаго тѣми же сѣмыми словами, какими въ свое время бранили Гоголя журнальныя салонницы тридцатыхъ годовъ, имѣвшія доступъ къ третьему отдѣленію.

Современныхъ Булгариныхъ не пугаетъ злая участь ихъ духовнаго предка...

Въ то время, какъ исторія заботливо окружила память Гоголя свѣтлымъ ореоломъ,—въ это самое время потомство безпристрастно отмѣтило могилу Булгарина осиновымъ коломъ.

А вѣдь осины много растетъ въ русскихъ лѣсахъ и ея хватить на великое число булгаринскихъ поколѣній.